

Потапов был ошеломлен новостью, хотя, если проанализировать, к этому все шло. Год назад Иван Федорович уволился из органов безопасности, где прослужил тридцать лет и дослужился до полковника. Последние десять лет работал начальником городского отдела ФСБ. Практически он и создал в девяностые годы этот отдел в городе, который после развала Союза вдруг стал приграничным. Набрал молодых пацанов и с утра до позднего вечера учил их не только контрразведке, но и, как говорят в народе, уму-разуму. Иван Федорович не терпел пьяниц вообще, а среди подчиненных особенно. При каждом удобном случае он внушал молодым офицерам, что спиртное и творческий труд (а контрразведку он считал именно таким видом деятельности) — несовместимы. Но как он ни изощрялся в воспитании молодежи именно в этом вопросе, а беда вот она — пришла. Отставник вспомнил прапорщика Александра Савченко, который десять лет был его водителем. Много времени они провели вдвоем в различных поездках, о чем только ни разговаривали — и всегда водитель разделял мнение своего командира. Но на последнем году службы полковника он его удивил. Когда в очередной раз в разговоре затронули тему выпивки, Савченко неожиданно заявил:

— Я с вами, Иван Федорович, во всем согласен, но вот в этом вопросе у вас есть недопонимание...

Полковник тогда осуждающе хмыкнул, но предпочел промолчать.

Выходя на пенсию, Потапов сдал дела приезшему подполковнику, который оказался откровенным пьяницей. Уже на второй день пребывания в отделе новый начальник провел с офицерами совещание и в завершении ультимативно потребовал:

— Отдыхать тоже надо уметь. Теперь порядок такой: каждую пятницу после работы собираемся бухать. Кто будет уклоняться — тот гадюка...

И вот только что Потапову позвонил один из сотрудников отдела и сообщил печальное известие: ночью, будучи в нетрезвом состоянии, двое оперработников выехали на автомашине на встречную полосу — и в результате ДТП один погиб, а второй если и выживет, то останется калекой. Не успел Иван Федорович горестно поцокать языком и осмыслить происшедшее, как мобильник снова запел. По высветившемуся номеру Потапов понял, что звонит его бывший водитель.

— Саша, здравствуй,— угрюмо сказал полковник.

— Здравия желаю, Иван Федорович! Вы знаете, какое у нас ЧП? — раздался возбужденный голос Савченко.

— Уже доложили,— Потапов тяжело вздохнул.

— И все-таки вы были правы...

Эту фразу Потапов уже слышал раньше от другого человека. И та, другая история, вспомнилась ему, когда он закончил телефонный разговор с прапорщиком. Память похожа на лестницу с подгнившими ступенями. С годами их становится все больше. Однако человек, сказавший когда-то ему точно такие же слова, как будто стоял перед глазами.

Это было еще в советские годы, когда майор Потапов работал старшим оперуполномоченным. Имелось тогда у него в производстве оперативное дело с окраской «антисоветская агитация и пропаганда с высказываниями ревизионистского характера», по которому проходил Самохин Юрий Николаевич — молодой симпатичный парень, сын майора милиции. После окончания военного училища он прослужил в армии три года взводным и по своей инициативе уволился. Учился заочно на историческом факультете университета. Был холост. Работал матросом-спасателем на пляже.

Контрразведывательную деятельность Потапов осуществлял по территориальному принципу, то есть на весь курортный городишко он был один и все вопросы, относящиеся к компетенции органов КГБ, висели на его шее, начиная от шпионажа и кончая непопулярной даже в среде чекистов статьи УК «клевета на советский государственный и общественный строй». Иван Федорович крайне редко заводил материалы с окраской «антисоветская агитация и пропаганда» и не слышал, чтобы этим увлекались его коллеги. Когда сегодня говорят, что за рассказанный политический анекдот в то время кого-то вызывали в КГБ — это элементарная клевета.

Потапов завел на Самохина дело потому, что тот вынашивал намерение создать оппозиционную партию и уже занимался поиском кандидатов в члены этой организации, чтобы коллективно вести борьбу за политические свободы. Узость его мысли увеличивала ее остроту. И с каждым днем он вел себя все активнее, даже написал тексты нескольких листовок. Это уже была не только болтовня, а действия, и подобного рода деятельность, надо было пресекать. Из полученной от агента, имевшего псевдоним «Цезарь», информации было понятно, что формой пресечения может быть только профилактическая беседа с вызовом в органы КГБ.

В те годы в приказах этого ведомства постоянно прослеживалась мысль о том, что чекисты должны бороться за каждого советского человека, который по каким-либо причинам оступился. Потапов знал, что политзаключенных во всей стране было менее сотни. Ну и ежегодно органы госбезопасности профилактировали семнадцать-восемнадцать тысяч человек за изменнические, националистические и другие, как тогда формулировали, политически вредные проявления. И это на страну с населением двести восемьдесят миллионов человек. Совсем немного... Разве профилактика не была действительно гуманной формой пресечения действий, которые могли нанести ущерб безопасности государства?

Однако нередко профилактическую беседу оказывалось не так—то легко провести. Требовалось задокументировать добытую оперативным путем информацию о действиях объекта, то есть получить от граждан заявления или объяснения. Именно эти официальные документы по действовавшим в ту пору приказам давали право вызывать объекта для беседы. И хотя срок ведения дела заканчивался, такими материалами Потапов не располагал. Иван Федорович мог обратиться к руководству и продлить срок ведения дела, но начальство на это всегда смотрело неодобрительно и требовало выдать на-гора конечный результат, то есть пресечение. Кроме того, продление расценивалось как низкий уровень профессионализма оперативного работника.

И вот Потапов получил информацию, что объекту стало известно о проявлении к нему интереса со стороны органов госбезопасности. Неделью назад из милиции к Потапову поступил запрос в отношении Самохина: просили согласовать его допуск к нарезному оружию, так как он собирался устроиться охранником в тоннель. Потапов в допуске, естественно, отказал. Это стало известно бывшему сослуживцу отца проверяемого. Он-то и шепнул Юрию, что к чему. Самохин тут же прибежал к «Цезарю», рассказал, что, мол, так и так, и спросил, что теперь лучше делать. Агент ответил, что надо подумать и, расставшись с проверяемым, вызвал оперработника на внеочередную явку.

Получив эти данные, Потапов там же, на явочной квартире, пришел к выводу, что самый лучший, даже можно сказать идеальный, выход такой: Самохин должен придти к нему по своей инициативе и покаяться в содеянном. Чтобы решить поставленную задачу, чекист придумал простенькую оперативную комбинацию: три человека, которым доверял Самохин, должны были убедить его в этом. Один из них, заведующий пляжем внештатный сотрудник органов КГБ Яровенко, являлся непосредственным начальником Самохина. Второй, друг покойного отца проверяемого, милицейский пенсионер Михайлов, с которым Иван Федорович установил доверительные отношения, рассказал о сути дела и попросил выполнить поручение органов. Третий — агент «Цезарь». Двадцать дней Яровенко, Михайлов и «Цезарь» независимо друг от друга капали на мозг Самохину, внушая ему, что всегда можно выйти из трудного положения, если знаешь, куда идти. И тот в итоге капитулировал.

В один из самых прекрасных для Потапова дней Самохин сам пришел в кабинет к чекисту. Венец любого греха — раскаяние. И он-таки покаялся. Отказ от своих убеждений должен быть юридически оформлен. Принесший повинную голову дал органам госбезопасности письменное обязательство не допускать в дальнейшем подобных действий. Они расстались довольные друг другом: Юрий Николаевич не ожидал, что с ним будут разговаривать достаточно мягко и даже ни разу не повысят на него голос, а Потапов был рад, что Самохин наконец-то пришел сам, и начальство чекиста по достоинству оценит его труд.

После этой памятной для обоих беседы они периодически виделись в городе, и Самохин всегда уважительно здоровался с Потаповым.

Но вот прошло два года, и времена стали кардинально меняться. Трещины, которые образовались в последние годы советской власти в фундаменте государства, расходились, и через них к власти пролезли прорабы перестройки. Началась активная подготовка к реставрации капитализма. В это время Самохин увидел в городе чекиста. У старых обид хорошая память. Юрий Николаевич не только в очередной раз уважительно поздоровался, но и позволил себе небольшую реплику:

— А зря вы меня тогда. Все-таки прав-то ведь оказался я...

— Поживем — увидим. Человеку свойственно ошибаться в том числе и в оценке своих ошибок, — ответил Потапов и пошел дальше.

Большому кораблю — большое крушение. Вскоре громадная страна развалилась, и под ее обломками до сих пор гибнут люди. А жизнь задает все новые вопросы. А, как известно, на вопросы, поставленные жизнью, существует острая конкуренция ответов. Попробуй разберись, какой из этих ответов правильный.

После падения советской власти профилактику, как одну из форм предупреждения и пресечения антигосударственной деятельности, новая власть отменила. Это, мол, ущемляет политические свободы граждан. Теперь государство ждет, когда, например, тысячи чеченцев уйдут с оружием в горы, чтобы там без суда и следствия расстрелять их и с земли, и с воздуха. Ведь, как известно, в нашем правовом государстве все права у государства.

В начале девяностых между Потаповым и Самохиным состоялся последний короткий диалог. Юрий Николаевич увидел на противоположной стороне улицы Потапова, перешел на его сторону, впервые осмелев, протянул руку и, поздоровавшись, громко сказал:

— Иван Федорович, и все-таки вы были правы! Что творится в стране? Ужас! Ну, я им еще покажу! — и погрозил кулаком в небо.

С тех пор Потапов не видел бывшего подопечного.

А совсем недавно он узнал, что Самохин арестован в Иркутске за попытку взрыва памятника Колчаку.

«РИХАРД»

Николай Привалов не был похож на русского человека. В разрезе глаз и овале лица просматривались его далекие предки, одни из которых жили когда-то в западной Европе, другие — на Ближнем Востоке. Но он ничего не знал о них и даже не догадывался об их существовании в прошлом.

Вечером, когда у него зазвонил сотовый телефон, номер не высветился. Он приложил трубку к уху и услышал:

— Завтра. Сорок четыре двенадцать сто шестьдесят семь,— четко сказал незнакомый мужской голос и отключился.

— Что за шутки? — спросил сам себя Николай и машинально вернул дешевенький телефон в карман.

Он не придумал значения этому звонку, хотя и держал в памяти набор цифр. Добравшись до общежития и укладываясь спать, он вспомнил об этом звонке и стал размышлять о том, кто мог ему позвонить, и что означают эти цифры. Если это не шутка, значит, позвонили по поручению шефа, предположил Привалов. Теперь надо расшифровать, что означают эти цифры. Самое простое — это номер московского телефона (насколько ему известно, только в Москве семизначные номера) или номер мобильного и по нему надо позвонить завтра. Могут быть и другие варианты. Например, рейс самолета 4412, прилет в Ростов в 16 часов 7 минут. Или 44 поезд прибывает в 12 часов 16 минут, вагон 7. Может быть и более сложный ребус. Прежде чем размышлять дальше, Николай решил проверить выдвинутые версии. Он позвонил в аэропорт и на железнодорожный вокзал. Точно! Есть такой поезд. И время совпадает. Однако завтра надо на всякий случай позвонить и по телефонам, подумал Привалов и с чувством победителя лег спать.

На следующий день, первого июля, возле 7 вагона встретились двое: одному было чуть за двадцать, второй по возрасту годился ему в отцы.

— Здравствуйте, Сергей Иванович,— сказал молодой, пожимая руку старшему. По его глазам и выражению лица было видно, что он с нетерпением ждал этой встречи.

— Молодец — сообразил. Поздравляю с окончанием университета.

— Спасибо.

— Диплом получил?

— Позавчера.

— Ну и замечательно. Я буду краток и, может быть, не очень убедителен. Вот тебе билет до Волгограда и деньги на месяц из расчета сто рублей в сутки,— он протянул конверт.— Твой поезд через три часа. В Волгограде поселишься в квартире по адресу, указанному на конверте; ключ в конверте. В квартире будешь жить один. Через месяц с тобой свяжутся. Пароль «Вам привет от Сергея Ивановича из Ростова». Вопросы есть?

— Есть. Сергей Иванович, что от меня требуется. Что я должен за месяц успеть сделать?

— Ничего. Жить обычной жизнью. И ждать. В нашем деле это очень важное качество — научиться ждать. И еще: не расслабляйся; считай, что ты в командировке. Ну, Николай, удач тебе, постарайся использовать это время рационально; впрочем, о ценности времени мы уже говорили.— Он пожал руку собеседнику и покинул перрон так же быстро, как и появился на нем три минуты назад.

Николай Привалов сидел в вагоне и под стук колес размышлял. Почему в Волгоград, а не в другой город? И почему впервые не поставлено никакой задачи? Болтаться в незнакомом городе целый месяц, да еще на сто рублей в сутки. Могли бы дать и побольше. Сергей Иванович изучает его уже четыре года. Наверняка он знает о нем все, или почти все. Ему известно, что отца, братьев и сестер у него нет, что мать на зарплату сельского учителя не имеет возможности помочь ему. Знает и то, что все пять лет, пока он учился на юрфаке Ростовского университета, ему пришлось постоянно где-то подрабатывать. А может им и нужны такие? А впрочем, задачи, скорее всего, поставлены, но пока не озвучены. Мало ли что мог придумать этот Сергей Иванович. Мужик он толковый, интересный, мозг работает виртуозно, знает в совершенстве три языка, много лет работал за границей. К примеру, приеду в Волгоград, а там такого адреса нет. Что делать? Тогда надо выяснить, не переименовали ли улицу. Хотя такой ситуации, видимо, не предвидится; она уже была, когда его послали в Таганрог. Другой вариант: найду квартиру — ключ не подходит. Или в поезде сумку специально сопрут. Тогда предстоят дополнительные расходы на предметы первой необходимости. А как жить? Придется где-то подработать. Да и как это его охарактеризует? Лопух, да и только. Да мало ли какие еще проблемы можно придумать. Привалов встал, взял сумку, стоящую под столиком, сунул ее в ящик своей нижней полки и пошел покурить. По пути в тамбур он обратил внимание, что свободных мест в вагоне не видно. Тогда почему в его купе два свободных места? Да и на купе расщедрились, ему хватило бы и плацкарты. Может, для того, чтобы лишний раз посмотреть на него свежим взглядом? Сосед-то у него не бабушка и не женщина с ребенком, а мужик; и по всему видно, что не из рабочих и крестьян. Правда, с первых минут пути на разговоры не напрашивается. А с другой стороны: стоит ли он того, чтобы на него тратили столько сил и средств. Наверяд ли...

Квартира в Волгограде оказалась однокомнатной, без следов проживания в ней. Стол, стулья, диван, кресло, телевизор, холодильник — вот и вся мебель. На столе телефон. Привалов поднял трубку и убедился, что телефон работает. В кухне было все необходимое для приготовления пищи, но продуктов не было. Николай сходил в магазин, купил кофе, сахару, немного других продуктов и вернулся в квартиру. Сварил кофе и сел в кресло. Обо всех поручениях Сергея Ивановича, которые приходилось выполнять, он всегда писал отчеты, подписываясь псевдонимом «Рихард». Он избрал именно этот псевдоним, потому что считал Рихарда Зорге лучшим разведчиком. О чем же он будет писать на сей раз? Он решил не ломать голову и ликвидировать проблемы по мере их поступления. Ясно одно: скорее всего через месяц зададут сотню вопросов и поэтому надо быть во всеоружии. На всякий случай, планировал «Рихард», соберу информацию о соседях; разработаю проверочные маршруты и выясню, нет ли слежки. Poiщу в квартире подслушивающие устройства. Под благовидным предлогом схожу в квартиру этажом выше, осмотрю ее: нет ли там техники для визуального контроля надо мной. Познакомлюсь с достопримечательностями города. Во-первых, самому интересно, а во-вторых, могут прозондировать, насколько любознателен их подопечный...

Давно уже в жизни Привалова не предполагалось столько свободного времени, и поэтому он хотел почитать художественную литературу зарубежных классиков на русском языке. Честно сказать, он уже и забыл, когда делал это в последний раз. Все

свободное время он тратил на изучение одного из диалектов французского и художественную литературу читал только на французском языке. Пожилая француженка, с которой он занимался на конспиративной квартире изучением языка, была им довольна. К сожалению, в квартире Николай обнаружил лишь одну книгу. Это были «Северные рассказы» Джека Лондона. Специально подсунули, решил Николай, чтобы формировать у меня силу духа и стойкое отношение к трудностям. Да и знакомство с достопримечательностями Волгограда — это тоже в какой-то степени воспитание патриотизма.

На следующий день «Рихард» побывал на Мамаевом кургане, в музее-панораме Сталинградской битвы, увидел известный всему миру дом Павлова, прошел по набережной Волги и направился в центр города. В проходном дворе обратил внимание на мусорные ящики, в которых рылись двое потрепанных мужичков. Прошел через арку и вышел на проспект Ленина. На фоне иномарок и сияющих витрин сновали пешеходы, озабоченные не жизнью, а выживанием. Спустился в подземный переход. Мимо ставших уже привычными нищих равнодушно протекала людская река. «Сколько потерянных лиц на дороге жизни!», — вспомнил Николай где-то прочитанную фразу и отправился домой.

После ужина Привалов удобно устроился на диване и, получая неописуемое удовольствие от мысли, что у него еще куча свободного времени, открыл рассказы Джека Лондона. Мир суровых и мужественных людей захватил его. Он уже с сожалением констатировал, что непрочитанных страниц остается все меньше. Чтобы растянуть удовольствие, Николай сделал над собой усилие и отложил книгу. Ночью ему снилось белое безмолвие и гонки на собачьих упряжках. А утром Привалов решил никуда сегодня не выходить и снова погрузился в чтение. Как и все хорошее, книга быстро закончилась. На следующий день Николай зашел в «Книжный мир» и, отмахиваясь от голоса разума, купил семь книг Джека Лондона, потратив более тысячи рублей.

Незаметно пролетела неделя, затем вторая. Все запланированные мероприятия «Рихард» выполнил, а от Сергея Ивановича не было ни слуху, ни духу. В компании Джека Лондона Николай не скучал: казалось, что вместе с автором и его героями он прошел тяжелый путь по Юкону, задержался на несколько дней в Доусоне, а потом пустился дальше, ночуя вместе с собаками у костра; он даже чувствовал вкус жареного лосиного мяса, хотя раньше его никогда не ел. Может быть, это ощущение возникло в связи с тем, что у него заканчивались деньги. В его рационе теперь преобладали хлеб, картошка и макароны. От сигарет с фильтром он неделю назад отказался и перешел на «Приму». Чтобы сэкономить деньги, по городу он передвигался пешком. Уже приходила идея пойти где-нибудь подработать, но Привалов отогнал эту мысль. Герои северных рассказов Джека Лондона были в гораздо худшем положении, один сумасшедший мороз чего стоил. Здесь, правда, другая проблема: дикая жара и духота.

Вечером первого августа Привалов доедал последнюю картошку. Из запасов у него остались полпачки макарон и щепотка чая. Как известно, убедительнее всех просит желудок. Хотелось чего-нибудь мясного и сладкого. Но хуже всего было то, что оставалась последняя пачка «Примы». Перед ужином Николай застелил стол газетой, и теперь рассеянно пробежал ее глазами. Он наткнулся на заметку об одном из российских олигархов, который за год увеличил свой капитал на пять миллиардов долларов. Привалов раздраженно встал из-за стола и, подойдя к раскрытому окну, нервно затянулся сигаретой. И такой стране он намерен посвятить всю свою жизнь, а если потребуется, то и отдать ее? Впервые Николаю посетило сомнение, а верный ли выбор он сделал? Раньше ему и в голову не приходило сомневаться в правильности своего решения. Он был горд, что его выделили среди других, и с радостью дал со-

гласие работать в Службе внешней разведки. И работать не в посольской резидентуре, где собираются в основном блатные ребята, а в качестве разведчика-нелегала. Он будет ежедневно рисковать где-то там, в чужой стране. А здесь, на родине, какая-то шпана будет нагло обирать народ? Покупать себе яхты, футбольные команды... В то время как большинство россиян все больше опускается на дно... Привалов никак не мог успокоиться.

Неожиданно впервые за месяц зазвонил телефон. Николай вздрогнул и поднял трубку.

— Четвертая октава,— сказал незнакомый мужской голос. Короткие гудки ничего нового не добавили.

ВЕЧЕР НА КУРОРТЕ

Воля случая свела нас в уютном курортном местечке на берегу Черного моря. Мы съехались в санаторий в один день, и нас поселили в трехместной палате. И вот лишь только начал оживать сентябрьский вечер, мы дружно сели, предвкушая приятное застолье, организованное по случаю приезда. Две бутылки водки в окружении разнообразных закусок смотрелись не хуже чем в хорошем ресторане, но как-то не очень вязались с интеллигентным видом моих новых знакомых. Один из них — Курганов Василий Иванович — высокий представительный мужчина лет шестидесяти с красивыми умными глазами. Как выяснилось, он окончил консерваторию и всю жизнь преподавал в музыкальном училище. Другой — Лукин Николай Петрович — выглядел совершенно иначе: роста среднего и удивительно подвижный для своих неполных семидесяти лет. Глаза у него были живые, и огонек, который маячил в них, как бы бросал вызов его возрасту. По его словам, он долгое время работал учителем-словесником, затем был директором школы. Для нашей компании больше соответствовало бы хорошее вино, но на столе стояла водка, и Николай Петрович по праву старшего начал разливать ее по стаканам, приговаривая:

— Сегодня выпью и все. Буду принимать мацесту — нельзя. Только потом, в день отъезда...

Тосты шли вперемежку с шутками и анекдотами. Мои старики оказались удивительно остроумными, мы шутили, рассказывали анекдоты, смеялись, и казалось, что этому не будет конца. Однако атмосфера безмятежного веселья царила недолго.

После очередного тоста Василий Иванович отпил глоток, поставил недопитый стакан и, неожиданно тяжело вздохнув, сказал:

— Да, мы хоть пожили, а вот что ожидает наших детей и внуков...

— А мы-то что хорошего видели? — возразил Лукин.— Тюрьмы, голод, война, слова лишнего не скажи, нищенское существование — вот и вся наша жизнь. Что там говорить, поиздевались коммунисты над своим народом...

— Что вы такое говорите? — возмутился Курганов.— Посмотрите, что происходит со страной: развалили СССР, подорвали экономику, на окраинах льется кровь, миллионы беженцев...

— Вот это и есть итог правления коммунистов,— решительно рубанул Николай Петрович.— Другого и не могло быть.

— Ну, кинулись сломя голову в капитализм, перешли к рыночным отношениям. И что же? — вопрошал Василий Иванович.

— Сейчас в нашей экономике не рынок, а базар, на котором много воруют. Это не одно и то же. Но все же сделано главное: мы поняли наконец, что если нет частной собственности, то нет и движущей силы, нет перспективы развития ни промышленности, ни сельского хозяйства.

— Знакомая песня. Поздравляю вас, господа, с реставрацией капитализма,— язвительно обратился к нам Курганов.

Я молчал, ожидая услышать аргументы каждой из сторон, а Лукин начал страстно доказывать свою правоту:

— Можно назвать тысячи примеров, подтверждающих, что самое ценное в жизни человека — это его собственность, будь она материальная или интеллектуальная. Да вот хотя бы такой выразительный пример. Почему человек (не имеет значения — мужчина то или женщина) предпочитает растить своих детей, а не чужих (даже если те взяты в младенчестве и не догадываются, кто их истинный родитель)? А потому, что и дети — это своего рода собственность. И человек, растя и воспитывая детей, хочет приумножить не чужую, а свою собственность. На чем держится любое государство? Семья, частная собственность и религия — на этих трех китах. А большевики в семнадцатом году стали разрушать этот фундамент. А что было при Сталине?..

— Да что вы все Сталин да Сталин! — вспылил Курганов.— Петром, значит, который «первый», вы все восхищаетесь, а Сталина втоптываете в грязь. А чем, собственно, Петр отличался от Сталина? Да ничем! Также для укрепления экономической мощи государства бросал на смерть десятки тысяч своих подданных. Петербург построен на костях — это всем известно. Но Петра вы превозносите. А как Пушкин писал о Петре? Восторженно! Гениальный Пушкин, чья жизнь есть образец борьбы за свободу, тем не менее восхищался тираном. Есть над чем подумать. Не правда ли? Пушкин, как и Сталин, понимал, что в истории государства наступают моменты, когда без жертв не обойтись.

— Слишком велики жертвы. Если бы Россия после семнадцатого года и дальше шла эволюционным путем, у нее была бы другая история, и мы сейчас жили бы иначе,— Николай Петрович начал заметно нервничать.

— Вы хотите сказать, что до революции народы России были счастливы?

— Все счастливы быть не могут, но основная масса населения жила неплохо.

— Да как же вы можете это утверждать? — Курганов резким движением руки отставил подальше свой недопитый стакан.— Вы же всю свою сознательную жизнь преподавали русскую литературу. О чем писали самые честные, самые талантливые писатели? Вспомните произведения Достоевского, Куприна, Горького... Какова главная мысль их произведений? Российская действительность есть гнусность — вот что они утверждали и против этой гнусности надо бороться..

— Как Родион Раскольников? С топором в руках? Однако что нам говорил Достоевский в назидание? От чего он предостерегал? Великий писатель выступал против бунта, ибо революция — это разрушение государства, да и личности тоже. Достоевский на примере Раскольникова показал нам, что тиран и благодетель рода человеческого в одном лице несоединимы, что избранный им путь спасения униженных и оскорбленных не выдерживает суда совести и не приводит к цели. Вот в чем главная идея романа,— огонек в глазах Лукина стал еще ярче.

— Категорически с вами не согласен. Своим романом «Преступление и наказание» Достоевский утверждает совершенно иное. В буржуазном обществе, говорит он, существуют определенные законы, и, живя по этим законам, большая часть общества крайне несчастна, так как в этом обществе царствуют эксплуатация, нищета, проституция, подлость и так далее. И есть, говорит Достоевский, люди, которые протестуют против этих законов и такой жизни с топором в руках. Другое дело, одни могут «переступить» эти законы с топором в руках, а другие — нет. Больше Достоевский ничего не хотел сказать и не сказал. Поэтому мы и не находим строк, осуждающих поступок Раскольникова.

— Ну как же, а Библия у него под подушкой, когда он был уже на каторге?

— А где вы вычитали, что он упивался чтением ее? Достоевский положил Библию под подушку Раскольникова, судя по всему, из цензурных соображений, и не более того. Достоевский прямо говорит: Раскольниковы — это политическая сила, которая способна уничтожить хозяев этого гнусного общества. И без крови здесь не обойдешься, будут и невинные случайные жертвы — такие, как Лизавета.

— Так что же вы предлагаете? Снова звать Русь к топору?! — возмущенно спросил Лукин, и мне показалось, что он побледнел.

— А что же делать? Или звать народ к топору — или мучиться в этом гнусном государстве, погибать, торговать совестью, телом и при этом ратовать за смирение, к чему призывает, кстати, церковь. Ведь отказ от революционных действий — это и есть смирение. А вы мне говорите: да, мерзкую действительность надо изменять, но мирным путем. Но какая же власть позволит это, наивные вы господа?

— Вы до августа девяносто первого были искренним коммунистом? — спросил Лукин.

— Нет, в отличие от вас в партии я не состоял. А вы, коли работали директором школы, значит, обязательно были в КПСС. Но если раньше я был «розовым», то сейчас, наблюдая, как гибнет Россия, я стал «красным», — отчеканил Василий Иванович и с сожалением добавил. — Вот уж действительно: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

— Василий Иванович, ну как же вы так ничего и не поняли. И не увидели, что российская действительность была, выражаясь вашим языком, гнусностью именно в годы Советской власти. Вы же, я уверен, читали Солженицына, Шаламова, Дудинцева, других, кто писал правду, — и неужели все это прошло мимо вашего сознания? Да, в конце концов, вы прожили целую жизнь. Я не знаю, надо быть... — Лукин запнулся, с трудом подбирая слова помягче, — удивительно слепым, глухим, чтобы ничего не видеть и не слышать...

Дискуссия подошла к опасной черте, за которой ее участники могли потерять контроль над собой. Чтобы немного остудить своих стариков, я включил телевизор и предложил посмотреть «Вести». Однако на экране мы увидели президента России Ельцина Б. Н., который объявил, что своим Указом он распустил Верховный Совет. Схватка стариков продолжилась с еще большим ожесточением, но меня уже интересовало другое.

Я вышел на балкон, где курил одну за другой сигареты, размышляя о судьбе своего Отечества. Время от времени я всматривался в море, берег которого был от меня в двухстах метрах. Из-за темноты я не видел, что в нем происходит. Порывистый ветер, нарастающий шум, отчаянные удары волн о берег — все говорило о том, что начинается шторм.

